

Когда спасенный Цзи Линьси немного окреп, он в присутствии учителя истории Хуай Сююна и его супруги, госпожи Ци, опустился на колени. Он низко поклонился, выражая глубочайшую признательность за то, что они не дали ему погибнуть в ту морозную ночь.

В душе он мог быть кем угодно: двуличным мерзавцем, похотливым и порочным вором, жаждущим лишь власти и плотских утех, — но всё же он оставался человеком. Доброта наставника и госпожи Ци, вырвавших его из лап смерти, запечатлелась в его сердце по-настоящему.

— Ученик клянётся: в будущем я отплачу за вашу милость сторицей, не жалея сил! — торжественно произнёс Линьси.

Госпожа Ци поспешно склонилась к нему: — Ну что ты, право слово! Мы поступили так, как велела совесть. К чему такие церемонии?

Она уже протянула руки, чтобы помочь юноше подняться, но Хуай Сююн многозначительно кашлянул. — Как ты её назвал? «Госпожа Ци»? — он нахмурил брови. — Разве пристало тебе так к ней обращаться?

Линьси замер и в замешательстве поднял голову.

Наставник степенно погладил бороду и фыркнул: — Раз уж ты называешь меня учителем, то моя жена отныне для тебя — матушка-наставница.

Цзи Линьси застыл, во все глаза глядя на него. За время болезни Хуай Сююн заметил, что прилежание юноши не было притворным. Какой наставник не захочет взять к себе трудолюбивого и одаренного ученика? Линьси действительно обладал талантом. Если поначалу он многого не понимал и порой попадал в неловкие ситуации, то после долгих дней упорного чтения он заметно изменился. Теперь он мог рассуждать о любой изученной книге, а его речь стала куда более изысканной.

Сююн уже давно подумывал о том, чтобы официально принять юношу в качестве своего последнего личного ученика. Он планировал испытать его ещё какое-то время, но теперь решил — пора.

Увидев, что Линьси всё ещё не пришёл в себя от удивления, учитель сердито прищурился: — Что? Не согласен? Считаешь, что я не достоин быть твоим истинным наставником? Да, мой дом не блещет роскошью, но...

Не дав ему договорить, Цзи Линьси трижды коснулся лбом пола: — Ученик Цзи Линьси приветствует своего почтенного учителя!

Затем он так же трижды склонился перед госпожой Ци: — Ученик приветствует матушку-наставницу!

Увидев это, Хуай Сююн заметно смягчился. На его губах даже промелькнула довольная улыбка, которую он тут же постарался скрыть. — Раз ты признал меня своим мастером, я приложу все силы, чтобы обучить тебя. Погоди здесь, я принесу подарок.

Год назад он, скрепя сердце, купил превосходный камень для туши. Камень был настолько дорог, что Сююн так и не решился его использовать, бережно храня его. Теперь же лучшего повода для такого подношения было не найти.

Вернувшись из комнаты с аккуратно упакованным свертком, учитель вложил его в руки юноши и помог тому подняться. — С этого дня я буду к тебе вдесятеро строже. Тебе придётся выдержать всё, если хочешь действительно достичь вершин.

Лицо Линьси выражало лишь смирение и рвение: — Ученик во всём последует за учителем. Я знаю — ваша строгость мне лишь во благо.

Официально приняв Ци Линьси в ученики, Хуай Сююн отдался делу со всем пылом. Если раньше юноша по большей части читал сам, то теперь уроки шли с рассвета до заката. Каждый вечер заканчивался строгим допросом по пройденному материалу, а каждое утро начиналось с проверки вчерашних знаний. Видя, что каллиграфия подопечного оставляет желать лучшего, Сююн составил для него особый план упражнений. Он даже по памяти восстановил задания с уездных экзаменов прошлых лет, чтобы натаскивать Линьси. Из-за этих хлопот у бедного наставника от напряжения даже вскочил болезненный прыщ на губе.

Глубокой ночью госпожа Ци наблюдала, как её муж сокрушённо разглядывает своё отражение в медном зеркале. — Слишком уж ты за него переживаешь, — заметила она.

— А как иначе? Он пришёл в академию под конец года и уже отстал от остальных на целую вечность!

— Открой рот.

Хуай Сююн послушно повиновался.

Госпожа Ци взяла серебряную иглу, предварительно прокалив её над огнём и протерев вином, и осторожно проткнула нарыв. Мужчина охнул и зажмурился от боли. Промыв ранку, она приложила к губе целебную мазь. — Вот и всё.

Наставник осторожно коснулся губы и вдруг довольно хмыкнул.

Жена легонько шлепнула его: — Совсем с ума сошёл? Чему радуешься?

Сююн посмотрел на неё с лукавством: — Знаешь, я ведь не ошибся. Этот малый — истинная находка.

— Да-да, находка, — госпожа Ци привычно принялась за шитьё.

Супруг уселся рядом: — Нет, ты не понимаешь! Линьси — настоящий гений.

— Гений, гений...

— Да послушай же ты меня! У него нет этой способности запоминать всё с первого взгляда, но его ум... О, как он схватывает суть! Стоит один раз объяснить — и он сразу видит корень вещей!

Хуай Сююн вздохнул, устремив взгляд в пространство: — Если бы только он родился в благородной семье и начал учиться вовремя... Он бы не только уездные экзамены щёлкал как орехи, он бы и на столичных всех заткнул за пояс!

— Угу, конечно...

— Ци Сяньюнь! Ты меня вообще слушаешь?!

Госпожа Ци отложила иголку и с иронией посмотрела на мужа: — Ну как же я, простая женщина, могу понять речи великого учёного? Куда уж мне, недостойной, внимать вашим мудрым рассуждениям о талантах?

Сююн осекся, и его голос мгновенно стал вкрадчивым: — Ну... я вовсе не это имел в виду.

Он принялся заискивающе разминать плечи супруги: — Это я старый дурак, язык мой — враг мой. Прости меня, ладно? Моя жёнушка, конечно, мудрее всех на свете...

За стеной в эту морозную ночь царил уют и тепло двоих.

Но бедный Цзи Линьси вновь остался один на один со своим одиночеством.

В глубокой тишине слышался лишь яростный свист ветра за окном. После изнурительного дня юноша должен был рухнуть в постель и забыться сном, но отдых не шёл.

Он ворочался под одеялом, чувствуя, как пересохло в горле. В голове навязчивым вихрем крутились картины одна другой порочнее. В своей сути он был бесстыдным развратником; ещё не встретив Чу Юя, он часто видел сны, где в объятиях безликих красавиц предавался необузданным утехам. Теперь же у призрака из снов появилось лицо, и страсть вспыхнула с новой силой. Но он уже слишком долго сдерживал себя.

Ему было восемнадцать — возраст, когда мужская кровь закипает от малейшей искры. Юноша же слишком долго изображал святошу.

Чем холоднее становилось в комнате, тем жарче пылало его тело. Линьси тяжело дышал, и каждый выдох казался ему обжигающим паром.

Он вспоминал глаза прекрасного принца. Дивные глаза, чьи разрезы напоминали нежные лепестки персика; уголки их чуть приподняты, а когда длинные ресницы опускались, они словно касались самой души Линьси, оставляя там зудящий, невыносимый след.

В медовых зрачках Чу Юя так легко отражался свет, и когда в них попадало солнце, они казались расплавленным весенним потоком.

А губы... Губы наследного принца были совершенны. Округлые, манящие, с едва заметной жемчужинкой на верхней губе — они так и просили поцелуя. Юноше казалось, он даже чувствует их тонкий аромат.

И шея... длинная, изящная. Когда Чу Юй снимал меховую накидку, взору открывалась полоска белоснежной кожи у самого кадыка. Всего лишь клочок плоти, но Линьси не мог отвести от него взгляда.

Дыхание молодого человека стало прерывистым. Он зажмурился.

Тонкая талия принца... В тот день в Дворе Восходящего Солнца он украдкой разглядывал её и знал: если он протянет руки, то легко обхватит её почти целиком. А ноги? Он ведь уже касался их, прижимаясь в бесстыдном порыве — длинные, крепкие, сводящие с ума.

Пот выступил на лбу Линьси, пульс бешено стучал в висках. В считанные мгновения он в своих мыслях раздел и обласкал принца от макушки до кончиков пальцев. Жажда стала невыносимой.

Цзи Линьси открыл глаза, жадно хватая ртом воздух. Рассудок мгновенно подсказал оправдание.

«Я так долго сдерживался. Разве один раз — это грех? Разве я не заслужил награду за своё усердие?»

Один случайный порыв не заставит его бросить учёбу.

«Раз в три дня? Нет, пожалуй, слишком часто...»

«Раз в семь дней... в десять... раз в пятнадцать дней! Да, именно так. Каждые пятнадцать дней упорного труда я буду награждать себя. Уверен, Его Высочество отнёсся бы к этому с пониманием»

Терпеть дольше было бы выше человеческих сил.

«Если я доведу себя до истощения, кто тогда подарит принцу истинное блаженство? Всё верно, я должен заботиться о нашем будущем»

Убедив себя в собственной правоте, Линьси не чувствовал и тени сомнения. Разве могло быть иначе? С детства он воровал и мошенничал, чтобы выжить. Никто не наставлял его, никто не очищал его душу. С кем поведёшься — от того и наберёшься; с малых лет он вращался среди грязи и мрака, и сам стал подобен куску чёрной туши.

Глубокой ночью он достал заветную шахматную фигуру и крепко сжал её губами. Откинув одеяло, Линьси накрыл голову, оставив снаружи лишь босые ступни. Сытная еда сделала своё дело: за месяц его тело окрепло, а плечи раздались.

Комнату наполнил жаркий воздух и сдавленные, хриплые стоны.

Спустя полчаса юноша отбросил одеяло. Он выплюнул изо рта шахматную фигуру, чувствуя во всём теле блаженную легкость. С его лица исчезла маска смиренного ученика. Теперь, с острым взглядом и хищным оскалом, он меньше всего походил на книжника — перед миром предстал истинный главарь банды, наглый и опасный бродяга.

Набросив халат, он поднялся с постели, тщательно вымыл шахматную фигуру и спрятал её обратно за пазуху. Омыв тело и вытерев руки, Линьси достал бумагу и кисть и размашистым почерком добавил запись в свой тайный дневник.

[Семнадцатый год правления Юаньчжао. Четвертый день первого весеннего месяца]

[Нарушил обет. Не беда. Впредь буду усерднее в чтении. Благо]

[Думаю о тебе, душа моя. Не забывай меня]

Закончив, он с чувством полного удовлетворения улегся спать и проспал до утра без сновидений.

На следующее утро Хуай Сююн долго и пристально разглядывал ученика, нахмутив лоб.

— Учитель? — Линьси невинно поднял глаза.

Сююн вглядывался в его лицо: — Ты куда-то уходил этой ночью?

Юноша почтительно поклонился: — Никуда, наставник. Закончил читать, потренировал каллиграфию, немного размялся в комнате и сразу лёг спать.

Хуай Сююн ещё мгновение хмурился, а затем расплылся в улыбке: — Что ж, сегодня ты выглядишь на редкость бодрым. Вижу в тебе небывалый задор. Хорошо, держись в том же духе.

Раньше Линьси учился прилежно, но без искры, теперь же в каждом его движении чувствовалось истинное наслаждение. Наставник даже заподозрил было, не нашёл ли ученик себе другого учителя втайне, но тут же отбросил эту мысль.

Сам же Цзи Линьси, разумеется, не мог признаться, что ночью представлял своего принца. Он лишь ниже склонил голову, смиренно произнеся: — Вчера вечером я долго размышлял и понял: учёба не должна быть лишь тяжким бременем. Нужно полюбить сам процесс, наслаждаться каждым шагом на пути к знаниям. Лишь когда в сердце живёт радость от учения, рождается истинная сила. Иначе человек лишь изнуряет себя, не достигая великих высот.

Услышав это, Хуай Сююн едва не засиял от гордости.

— Верно! Истинно верно! Подумать только, ты в столь юные годы постиг эту мудрость... Сердце учителя ликует, Линьси!

<http://bllate.org/book/15344/1411408>